

**Соотношение статута исключительных прав с деликтным статутом в
международном частном праве**

Научный руководитель – Асосков Антон Владимирович

Шабалина Алина Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический
факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: alina.shabalina.99@mail.ru

Основным источником коллизионных норм в области права, применимого к нарушениям исключительных прав, принято считать Регламент Европейского Союза Рим II. По общему правилу Регламента, к внедоговорным обязательствам следует применять *lex loci delicti*, однако статья 8 Рима II содержит специальную коллизионную привязку *lex loci protectionis* для случаев нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. В настоящей работе предлагается рассмотреть достоинства и недостатки применения подобного специального правила.

Прежде всего, стоит отметить, что право страны, чьей защиты просит правообладатель в конкретном случае, гораздо проще определить, чем право страны, где было нарушено исключительное право. В силу особой сущности объектов исключительных прав, деликтный статут в данном случае допускает как минимум две возможных коллизионных привязки: место непосредственного совершения акта нарушения, либо место наступления вреда от этого акта. Кроме того, сами действия, составляющие нарушение исключительных прав, в законодательстве разных государств могут пониматься различным образом. В отношении *lex loci protectionis* подобных сложностей определения применимого права не возникает, что позволяет удовлетворить потребности сторон в правовой определенности и предсказуемости.

Кроме того, использование *lex loci protectionis* широко распространено для определения применимого права и к другим вопросам исключительных прав, например к вопросам их возникновения, действительности, срокам существования и содержанию. Применение данной коллизионной привязки также и к проблемам нарушения исключительных прав в значительной мере предотвратило бы риск такого явления как *deresage*.

Наконец, можно с определенной степенью уверенности утверждать, что именно *lex loci protectionis* является ответом на вопрос о поиске права страны с наиболее тесной связью со спорным правоотношением. В случае нарушения правообладатель обратится за защитой именно того государства, которое признает и защищает его право, поскольку в противном случае у него просто не имелось бы материально правовых оснований для иска. Кроме того, государство, за чьей защитой обращается правообладатель, также будет соотноситься с государством, в котором произошло нарушение, поскольку принцип территориальности исключительных прав допускает их защиту только в случае, если они были нарушены на территории предоставляющего им защиту государства.

Какие же аргументы можно привести против *lex loci protectionis*? Основная критика в этой области сводится к возможности так называемого «мозаичного подхода», когда в конкретном случае применимым будет признано право сразу нескольких государств. Такая возможность признается, в частности, судебной практикой Верховного Суда Австрии, а также самой Комиссией по составлению вышеупомянутого Регламента. Как отметила Гамбургская группа, «...хотя это и может привести к применению нескольких правовых

систем в случае мульти-государственного нарушения, применение каждой из них оправдано, поскольку зачинщик нарушения, пытающийся получить прибыль со своих действий на конкретном внутринациональном рынке должен столкнуться с последствиями нарушения законодательства данной страны».

В данном контексте представляется необходимым упомянуть также об автономии воли сторон. Статья 8 Рима II к данной концепции обратиться не позволяет, прямо запрещая любое отклонение от предусмотренного ею правила. Сторонники столь жесткого подхода утверждали, что вопросы нарушения относятся к сущности исключительных прав, а значит не могут быть предметом выбора сторон. Кроме того высказывались опасения, что выбранное сторонами право вовсе не будет предоставлять защиты конкретному нарушенному исключительному праву. Последнее представляется крайне сомнительным, поскольку участники международного оборота как правило отличаются некоторым уровнем профессионализма и едва ли будут настолько беспечны чтобы не ознакомиться с основными положениями права, которое они собираются применить к своему правоотношению. На данный момент в актах унификации международного частного права набирает популярность более сдержанный подход, допускающий выбор сторонами применимого права в вопросах, связанных с нарушениями исключительных прав и средствами их защиты.

На основе вышеприведенных доводов, можно сделать вывод о том, что более приемлемой коллизионной привязкой в отношении вопросов нарушения исключительных прав является *lex loci protectionis*, что однако не исключает возможности применения автономии воли сторон, а также не отменяет необходимости разработки особого правила для повсеместных нарушений в условиях цифрового оборота объектов исключительных прав.

Источники и литература

- 1) Paul Torremans The law applicable to copyright infringement on the Internet, 2016
- 2) Sophie Neumann Intellectual property rights infringements in European Private International Law: Meeting the requirements of territoriality and Private International Law. Journal of Private International Law, Vol. 7, №3, 2011
- 3) Stefania Bariatti Litigating intellectual property rights disputes cross-border: EU regulations, ALI Principles, CLIP Project. Walters Kluwer Italia, 2010